

Идея личности
какъ основа
міровоззрѣнія.

Критическо-философскій очеркъ

М. М. Рубинштейна.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ С. А. КИНЕЛОВСКАГО.

АРБАТЬ, ДОМЪ СТРОМИЛОВА.

1909.

Крутицынъ: ¹⁾ „и я принесъ свою долю вреда“. Соціализмъ-же гарантируетъ намъ, что тѣ, кто этого захочетъ, смогутъ создать изъ своей жизни цѣльный и цѣнный продуктъ.

Такимъ образомъ, соціализмъ не только налаживаетъ на человѣка обязанности, онъ даетъ ему крупныя права. Но личность не только будетъ пользоваться правами, у ней будутъ и обязанности. И среди этихъ обязанностей самое почетное мѣсто должно быть отведено обязанности по отношенію къ человѣческому „я“, цѣнной личности. Ради *нея* нуженъ соціализмъ, ради *нея* онъ стремится къ свободѣ, равенству и братству; *равенство* нужно въ объективныхъ условіяхъ, *свобода*, — для человѣческихъ „субъективныхъ“ проявленій личности, и тогда въ качествѣ необходимаго слѣдствія ихъ явится расцвѣтъ цѣнныхъ личностей и ихъ *братство* въ культурныхъ цѣнностяхъ.

VI.

Идея цѣнной личности и діалектической методъ.

Если примѣненіе по отношенію къ коллективизму критерія интересовъ культурно-творческихъ личностей и самое признаніе цѣнной личности за основную предпосылку не только не привело насъ къ признанію ихъ несовмѣстимости,

¹⁾ „Счастливецъ“ въ „Мелочахъ жизни“.

а мы, наоборотъ, пришли къ заключенію, что коллективизмъ диктуется этими интересами, то къ инымъ результатамъ придемъ мы, обратившись съ тѣмъ-же критеріемъ къ оцѣнкѣ діалектическаго метода, этого мага и волшебника марксистской теоріи. Эта оцѣнка діалектики и ея слѣдствій тѣмъ болѣе важна, что она стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ признаемъ цѣнной личности и необходимыми условіями самой ея возможности.

Страшно подумать, какія рѣзкія противорѣчія и диссонансы могутъ цѣлыми десятилѣтіями гнѣздиться въ теоріяхъ, которыя составляютъ предметъ глубокаго интенсивнаго интереса самой интеллигентной части человѣчества, и тѣмъ не менѣе у ней не хватаетъ достаточной силы, чтобы съ корнемъ вырвать эти сорныя травы и положить конецъ всей недоговоренности и неполнотѣ данной теоріи. Та самая человѣческая цѣнная личность, которая должна составлять въ сущности альфу и омегу социалистическихъ стремленій, основной принципъ всей теоріи, въ корни уничтожается тѣмъ, что личности превращаются въ атомы, подчиненные простымъ механическимъ законамъ, что онѣ сводятся къ бессмысленной игрушкѣ, къ жалкой щепкѣ, которую волны бурнаго океана экономическихъ отношеній кидаютъ изъ стороны въ сторону. Духовная, культурно-творческая жизнь, которая составляетъ сущность цѣнной личности, является простымъ слѣдствіемъ извѣстнаго стеченія экономическихъ условій и, такимъ образомъ, эта дѣятельность должна быть

изъята изъ области самостоятельности личности. Этимъ цѣнной личности, а вмѣстѣ съ ней и социализму, немислимому безъ нея, наносится смертельный ударъ. Цѣнная личность должна сознать себя самостоятельнымъ субъектомъ своихъ цѣнныхъ проявленій, а съ діалектическо-материалистической точки зрѣнія человѣкъ становится балалайкой, на которой суровая дѣйствительность наигрываетъ свои безжалостныя пѣсенки. Что-же остается еще тогда въ человѣкѣ и для человѣка?—Жизнь автомата, мнящаго себя чѣмъ-то цѣннымъ, и пустое пространство, именуемое желудкомъ и подлежащее наполненію.

И тутъ снова возникаетъ тотъ-же роковой вопросъ о томъ, къ чему набивать желудки этихъ животныхъ и именно этихъ, а не иныхъ, этихъ жалкихъ игрушекъ дѣйствительности, если они для насъ только автоматы? Почему мы не горюемъ надъ растертымъ въ порошокъ кускомъ угля и сожалѣемъ о разбитой въ дребезги статуѣ? Почему мы, даже ни минуты не останавливаясь, уничтожаемъ десятки животныхъ жизней и содрагаемся при видѣ человѣческихъ труповъ? Вѣдь, не въ одномъ же животномъ инстинктъ дѣло. И даже пусть будетъ такъ. Но у насъ этотъ инстинктъ принимаетъ иную форму и онъ только постольку имѣетъ цѣну. Чѣмъ мы культурнѣе, тѣмъ выше мы цѣнимъ одухотворенную, разностороннее развитую личность, хотя-бы она была физически слаба ¹⁾. Значитъ для насъ важно не

¹⁾ Считаю необходимымъ оговориться, что мы далеки отъ мысли исключить физическое изъ области цѣнностей.

только физическое сохраненіе особи. Нѣтъ!—Мы цѣнимъ въ каждой личности возможность культурнаго индивидуальнаго творчества и самый принципъ человѣка. Такимъ образомъ и тутъ все та же дилемма: или человѣкъ—цѣнная личность, но тогда должны быть отброшены въ сторону тѣ придатки социалистическаго ученія, которыми, не понимая сущность естественныхъ законовъ какъ обобщеній, лишенныхъ значенія относительно индивидуальнаго, насилуютъ это индивидуальное и обращаютъ жизненный принципъ социализма, цѣнную личность, въ ничто; или же человѣкъ—игрушка стеченія экономическихъ условій, но тогда въ социализмѣ нѣтъ и тѣни смысла. И крупную долю уничтожающихъ основную предпосылку социализма факторовъ приходится разсматривать какъ прямыя слѣдствія матеріалистической точки зрѣнія и діалектическаго метода.

Прежде всего, социалистическая теорія въ корнѣ отрѣзала подѣ вліяніемъ діалектическаго метода самую возможность абсолютныхъ цѣнностей; въ этомъ отношеніи социализмъ является прямымъ наслѣдникомъ Гегеля, для котораго то, что должно быть, но чего еще нѣтъ, было простымъ абсурдомъ. Межъ тѣмъ цѣнная личность немислима безъ признанія такихъ цѣнностей, потому что въ нихъ заложена возможность и смыслъ ея дѣятельности, не говоря уже о томъ, что социализмъ не можетъ, съ другой стороны, найти оправданіе безъ признанія ея абсолютной цѣнности. И было бы большой ошибкой предполагать, что со-

ціалізмъ дѣйствительно удержался во всемъ на той чуждой ему по существу почвѣ, на которую вынудилъ его встать діалектическій методъ. И только все та-же недоговоренность какъ будто затушевываетъ такого рода отступленія.

Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ слѣдующее обстоятельство. Все мѣняется, говоритъ намъ современный соціализмъ. Нѣтъ нерушимыхъ философскихъ, политическихъ, религіозныхъ и т. д. идей. Все находится въ непрерывающемся процессѣ становленія. Такова приблизительно одна изъ самыхъ основныхъ мыслей современнаго марксистскаго соціализма, продиктованная ему діалектическимъ методомъ. Межъ тѣмъ соціализмъ принужденъ съ перваго-же шага выставлять законы и утвержденія абсолютнаго характера. Уже самая его предпосылка, какъ мы видѣли, отличается абсолютнымъ характеромъ. Но мы можемъ привести въ примѣръ хотя-бы пресловутый законъ зависимости отъ экономики всѣхъ т. н. „надстроекъ“. И соціализмъ больше чѣмъ какое-либо другое ученіе долженъ прибѣгать къ такого рода абсолютнымъ положеніямъ и, какъ это ни парадоксально звучитъ, къ такимъ принципамъ абсолютной значимости онъ долженъ прибѣгать въ области... этики. Абсолютная цѣнность личности и вытекающіе отсюда идеалы не что иное, какъ этическое требованіе въ категорической, абсолютной формѣ. Тутъ не мыслимо для культурнаго сознанія, въ особенности для соціалистическаго, какое бы то ни было „если“, которое могло бы обуславливать этотъ по-

стулатъ и придавать ему гипотетическую форму. Эта цѣнность и ея выводы *должны* быть приняты въ абсолютной формѣ. Она *должна* быть изъята изъ власти времени и пространства, чтобы не уничтожить самую личность, чтобы гарантировать ей основу всѣхъ ея помысловъ и чаяній. Онъ, этотъ постулатъ, неотвержимъ: будетъ онъ изгнанъ изъ теоріи, онъ найдетъ себѣ въ бессознательной или недостаточно выясненной формѣ доступъ къ своему проявленію. Въ такой незнаной формѣ и живетъ онъ въ современномъ социализмѣ. Онъ нуженъ для того, чтобы социализмъ имѣлъ смыслъ, чтобы яркимъ пламенемъ горѣлъ священный огонь гуманности и любви къ человѣчеству. А, вѣдь, это возможно только, если эта цѣнность выступаетъ въ видѣ абсолютной нормы, потому что фактическая дѣйствительность не можетъ намъ дать этой основы. Ради временной цѣнности нельзя желать привести въ движеніе всего человѣчества; во всякомъ случаѣ такая цѣнность никогда не можетъ претендовать на общечеловѣческую значимость и не можетъ занимать мѣста основного принципа.

Какъ мы уже замѣтили выше, это отрицаніе абсолютныхъ цѣнностей и принциповъ, это крайнее утвержденіе принципа, все течетъ получено въ наслѣдство отъ Гегеля вмѣстѣ съ его діалектическимъ методомъ. Но Гегель послѣдовательно увидѣлъ себя вынужденнымъ встать на точку зрѣнія *абсолютнаго* знанія, которую конечно социализмъ принять не можетъ, не подвергаясь крайней опасности, а то пожалуй и необходи-

мости пуститься въ безбрежное море метафизики. Соціализмъ требуетъ абсолютной цѣнности личности, діалектика не позволяетъ признавать ничего абсолютнаго. Выводъ отсюда для насъ представляется единственный: остатся вѣрнымъ основной, жпзненной предпосылкѣ, безъ которой не можетъ быть сознательнаго соціализма, и отбросить традиціонный элементъ его, сослужившій свою практическую службу, но негодный больше теперь, и это тѣмъ болѣе, что діалектическій методъ, какъ этого и надо ожидать, въ силу его несомвѣстимости съ основной предпосылкой вынуждаетъ соціализмъ во многихъ отношеніяхъ насиловать самого себя.

Терминъ „діалектическій“ методъ начинаетъ испытывать на себѣ тяжелую руку исторіи. Прегнантная яркая форма Гегелевскаго діалектическаго метода начинаетъ расплываться съ черезъ чуръ широкимъ употребленіемъ, и понемногу получается какое-то странное сѣрое представленіе, въ которомъ теряются всякія опредѣленныя очертанія. Ясно во всякомъ случаѣ одно: хотя Гегелевскій діалектическій методъ съ его обязательными стадіями развитія отъ тезиса черезъ антитезисъ къ синтезу теперь уже почти не показывается на страницахъ соціалистическихъ произведеній, тѣмъ не мѣнѣе слѣдствія этого метода, наприм., отрицаніе нормъ, долженствованія, признанія *естественно-необходимаго* прогресса и т. д. остались по прежнему и тѣмъ болѣе живутъ въ представленіяхъ массы соціалистической интеллигенціи. Если слову діалектика при-

дать смыслъ только Гераклитовскаго принципа „все течетъ“, то этимъ отбрасывается все то характерное, что заложено въ идеѣ діалектики. Всѣ ея прежнія слѣдствія остаются тогда висящими въ воздухѣ и непонятно, къ чему въ такомъ случаѣ нужно брать такой ярко выраженный и опредѣленный терминъ для обозначенія принципа, который въ матеріальномъ отношеніи едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать. Поэтому мы это толкованіе діалектики какъ произвольное можемъ оставить въ сторонѣ и въ послѣдующемъ будемъ имѣть все время въ виду діалектической методъ въ его традиціонной формѣ; центръ его тяжести лежитъ въ мысли, что прогрессъ совершается съ *естественной необходимостью* и изъ *противорѣчій*, въ то время какъ понятіе долженствованія исключается какъ факторъ развитія совершенно.

Мы далеко не склонны усматривать въ этомъ методѣ приписываемую ему научность, въ особенности въ социалистической теоріи. У Гегеля этотъ методъ не съ неба свалился, а былъ обоснованъ *логическимъ* путемъ, именно тѣмъ, что имъ формулировался законъ *развитія понятій*, а такъ какъ понятія представляютъ сущность и двигатель дѣйствительности, то и послѣдняя необходимо должна развиваться по діалектическому методу. Ни того, что понятіе составляетъ сущность дѣйствительности, ни такого развитія понятія социалистическая теорія признать не можетъ. Какимъ же путемъ и по какому логическому праву она переноситъ это метафизическое

дѣтище въ свою теорію? Этого права у ней нѣтъ. Но въ немъ не только нѣтъ нужды, но наоборотъ,—этотъ методъ нарушаетъ основной принципъ социализма и является настоящимъ источникомъ цѣлаго ряда противорѣчій.

И это не случайный придатокъ діалектическаго метода. Чтобы пояснить и обосновать это утвержденіе мы позволимъ себѣ нѣсколько отклониться и бросить бѣглый взглядъ съ той же точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности на тѣ противорѣчія, къ какимъ привелъ Гегеля діалектическій методъ ¹⁾. Это представляетъ тѣмъ большій интересъ, что къ тѣмъ же выводамъ необходимо долженъ придти и социализмъ, пока онъ будетъ держаться діалектическаго метода: эти выводы его *необходимыя* слѣдствія.

Систему Гегеля не мыслимо разсматривать иначе какъ систему цѣнностей. Казалось бы, что въ системѣ цѣнностей, тѣмъ болѣе при ея рѣзко выраженномъ культурно-историческомъ характерѣ, должна была бы найти себѣ мѣсто основная цѣнность культурной и исторической жизни, цѣнность личности или цѣнная личность. ²⁾ Но мы встрѣчаемся здѣсь съ обратнымъ явленіемъ: этой цѣнности въ Гегелевской системѣ нѣтъ мѣста и тамъ, гдѣ она незамѣтно находитъ себѣ

¹⁾ Подробнѣе: „Логическія основы системы Гегеля и конецъ исторіи“ Вопросы Философіи и психологіи“ 1905 V.

²⁾ Цѣнность личности мы не отдѣляемъ отъ цѣнной личности, такъ какъ съ нашей точки зрѣнія личность, какъ бы она незначительна ни была, не можетъ быть нецѣнной.

выходъ, это стало возможнымъ благодаря измѣнѣ діалектическому методу.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ основныхъ воззрѣніяхъ Гегеля на познавательныя силы человѣка рѣзко проявилась мысль о бессиліи человѣческаго духа. Противъ гордыхъ словъ въ его Берлинской рѣчи о познавательной мощи человѣческаго разума, оставшихся почти одинокими, стоитъ мрачная фаланга позднѣйшихъ изрѣченій, которыя констатируютъ полное безсиліе человѣческаго познанія. Оно было осуждено тащиться въ хвостъ своего времени. И это представляетъ только послѣдовательный выводъ изъ идеи *необходимаго* прогресса, которая вытекаетъ изъ сущности діалектическаго метода и которая вошла въ число основъ современнаго соціализма. Поэтому и для соціализма неизбѣженъ этотъ выводъ. А этотъ выводъ для личности ужасенъ. Познаніе, вѣдь, тоже должно развиваться по діалектическому методу, а тѣмъ болѣе развитіе понятій. Но діалектическое развитіе развивается съ несокрушимой необходимостью и движется противорѣчіемъ. Такимъ образомъ теоретическое творчество личности, творчество понятій должно испариться, чтобы уступить свое мѣсто діалектикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ личности наносится смертельный ударъ, такъ какъ здѣсь была та сфера, въ которой личность видѣла своеобразное, доступное ей царство свободы.

Тотъ-же діалектическій методъ сводитъ на нуль личность и въ исторіи. Въ этой собственной области, настоящей сферѣ человѣческихъ интере-

совъ обнаружилось съ полною ясностью, что цѣнная личность рѣшительно несовмѣстима съ сущностью діалектическаго метода, съ его *необходимымъ* развитіемъ къ все высшимъ цѣностямъ. Личность въ Гегелевской діалектической философіи потеряла свою основу, такъ какъ прогрессъ изъ долженствованія, изъ нормы въ этой системѣ оказался замѣненнымъ другимъ факторомъ:—*необходимымъ* прогрессомъ изъ противорѣчія. И дѣйствительно, личность у Гегеля является въ роли служителя, который самъ того не вѣдая, таскаетъ для своего господина, объективнаго духа, каштаны изъ огня. „Это надо назвать хитростью разума, что онъ заставляетъ страсти содѣйствовать себѣ... Идея уплачиваетъ трибуть преходящаго бытія не изъ себя, а изъ страстей индивидовъ“¹⁾. Роль личности и не могла быть иной въ системѣ, построенной на основѣ діалектическаго метода. Историческія событія развертываются съ діалектической необходимостью, и личности остается только покориться своей судьбѣ, такъ какъ она своими сознательными стремленіями къ опредѣленному будущему не только ни на іоту не можетъ свернуть съ опредѣленной діалектическимъ методомъ дорожки, но и отстать отъ своего времени она также не въ силахъ. Ея дѣятельность сводится къ какому-то миражу, погонѣ за мыльными пузырями, потому что результатъ этой дѣятельности стоитъ *внѣ всякой* зависимости отъ стремленій личности. Интересы лич-

¹⁾ Philosophie der Geschichte стр. 41 (2-е нѣм. изд.).

ности это *только* матеріаль. И лишь моментами стремленія личности, совпадая безсознательнымъ путемъ съ развитіемъ абсолютной идеи, даютъ иллюзію дѣятельности, какая требуется сущностью цѣнной личности. Личности не изъ-за чего хлопотать. То, что должно быть, то и есть и будетъ въ свое время;—хотятъ этого личности или нѣтъ, дѣлаютъ онѣ для этого что-нибудь или нѣтъ, это безразлично. И если Гегель въ концѣ концовъ и прибѣгъ по необходимости къ „всемирно-историческимъ индивидамъ“, то они прокрались въ его философію исторіи тайкомъ, помимо воли діалектическаго метода. Гдѣ есть діалектикескій методъ съ его необходимымъ прогрессомъ, тамъ нѣтъ мѣста сознательной дѣятельности, руководимой свободно признанными цѣнностями, а, слѣдовательно, нѣтъ мѣста и личности.

Гегелевская философія права даетъ только лишній образчикъ этого уничтоженія цѣнной личности діалектическимъ методомъ. Государство, эта „конкретизированная нравственность“ поглощаетъ личность. Не государство для личности, а личность для государства. Болѣе того, абсолютная идея въ своемъ діалектическомъ развитіи не спускается внутри рамокъ народности и государства до индивида. Низшую ступень ея углубленія въ народную жизнь представляетъ только цѣлая особь, т. е. въ переводѣ на общепринятый политическій языкъ,—абсолютная идея снисходитъ только *до сословій*, не ниже ¹⁾. Въ результатѣ и у Ге-

¹⁾ Сравни. наприм. „Phänomenologie des Geistes“ стр. 336, 346, 351.

геля уже мы сталкиваемся съ непримиримымъ противорѣчіемъ во всей системѣ, особенно въ ея практической части.

И у Гегеля, и у ортодоксальнаго марксизма фигурируетъ все тотъ-же „всеразмалывающій“, всеопредѣляющій насильникъ—діалектической методъ. И тотъ, и другой пришли къ крайностямъ: Гегель хотѣлъ все вывести изъ понятія, своего рода рационалистической самодержавный абсолютизмъ чистаго разума, идеи; ортодоксальный марксизмъ перешелъ въ другую крайность, возведя въ абсолютъ экономическіе факторы, матерію. И тотъ, и другой уничтожаютъ цѣнность личности и однимъ и тѣмъ-же факторомъ. Если у Гегеля фигурируетъ логическое противорѣчіе, то марксизмъ видитъ тотъ-же двигатель въ матеріальномъ противорѣчій, въ борьбѣ классовъ, идея которой есть дарвиновская идея борьбы за существованіе, перенесенная на социальную почву.

Наше время потеряло всякую мѣру въ перенесеніи выводовъ, которые получены путемъ наблюдений надъ природой и ея жизнью, на человѣка и его организованную жизнь. И едва-ли не самое широкое употребленіе сдѣлано изъ перенесенія добытыхъ такимъ путемъ принциповъ на развитіе человѣческаго общества. При этомъ упускается совершенно изъ виду въ высшей степени важное обстоятельство, на которое мы уже указывали прежде,—что человѣкъ насъ интересуеетъ *не только* какъ органическая часть безконечнаго міроваго цѣлаго, но что мы всѣ наши самыя крупныя познавательныя силы направляемъ на разгадку толь-

ко ему одному свойственныхъ тайниковъ его жизни и бытія, что человѣкъ для насъ необходимо не только особый видъ животнаго царства, но и индивидуальная, глубоко важная цѣнность. Поэтому то общее, что мы открыли изученіемъ природы, не можетъ удовлетворить самаго существеннаго для насъ: оно не вноситъ достаточно свѣта и смысла въ индивидуальную жизнь, въ жизнь личности и ея оправданіе. Человѣкъ обладаетъ интеллектомъ, онъ обладаетъ способностью къ прогрессу, къ совершенствованію, онъ производитъ искусственные продукты, онъ можетъ самымъ разнообразнымъ способомъ комбинировать сами по себѣ неодухотворенные факты и давать изъ нихъ одухотворенное цѣлое; человѣкъ можетъ комбинировать силы природы, противопоставлять ихъ другъ другу и подъ часъ уничтожать' путемъ такой комбинаціи ихъ дѣйствіе... И мы ничѣмъ не можемъ оправдать унижительное подчиненіе тѣмъ-же упрощеннымъ генерализованнымъ правиламъ, которыя естественно остаются далеко позади все болѣе усложняющейся жизни человѣчества и психологіи личности. Конечно, эти формулы имѣютъ силу и по отношенію къ человѣку, пока онъ разсматривается съ естественной, а не съ культурной точки зрѣнія, пока онъ для насъ только животное; но какъ только появляются первые зачатки культуры, прежнія упрощенныя формулы начинаютъ становиться слишкомъ узкими, чтобы охватить и объяснить всю ширь жизни человѣка,—и это тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше человѣкъ подвигается по пути безконечнаго подчиненія себѣ природы, созданія искус-

ственныхъ культурныхъ продуктовъ,—въ противоположность продуктамъ природы, естества. Простая формула борьбы за существованіе остается вѣрной, но уже слишкомъ бѣдной по содержанию и объему и требуетъ все большихъ дополненій. Она не удовлетворительна уже по тому одному, что культурный человѣкъ живетъ не только въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ; но человѣкъ, кромѣ того, и въ матеріальной борьбѣ все меньше выступаетъ одиноко: онъ самыми разнообразными средствами и часто на основѣ *культурныхъ мотивовъ* комбинируетъ свои силы съ другими, природными и человѣческими, противъ природы и противъ человѣка.

Такой мнимо всеобъемлющій характеръ приданъ современнымъ социализмомъ принципу борьбы за существованіе, который въ видѣ экономической борьбы классовъ долженъ въ качествѣ діалектическаго принципа прогрессивнаго развитія служить ключемъ къ разгадкѣ всѣхъ социальныхъ проблемъ. Для марксиста классовая борьба есть рычагъ всякаго прогресса. Но придавъ этой идеѣ абсолютный характеръ, вмѣсто практически служебнаго, социализмъ поставилъ себя между двухъ огней: если онъ признаетъ идеаль социализма достижимымъ, то онъ этимъ, *volens-nolens* долженъ будетъ признать, что социализмомъ заканчивается исторія, прекратится прогрессъ и застынетъ вся культурная жизнь ¹⁾. Потому что

¹⁾ Гегеля діалектическій методъ и привелъ къ такой точкѣ зрѣнія. См. статью «Логическія основы и т. д.» Вопросы философіи и психологіи 1905. V. Последняя глава...

въ социалистическомъ обществѣ въ экономическомъ отношеніи можетъ быть только одинъ производящій и потребляющій классъ, т. е. классовою борьбы не будетъ, а вмѣстѣ съ ней не будетъ и двигателя прогресса. Этимъ нарушится и ходъ діалектическаго развитія, который обуславливаетъ *безконечность* прогресса. А если остаться вѣрнымъ этому методу-насилънику, то нужно возвести социализмъ въ норму; тогда останется борьба классовъ, будетъ соблюдена вѣрность діалектическому методу, но будетъ потеряно самое главное, изъ-за чего бьется по мнѣнію марксизма человѣчество: социализмъ какъ освобожденіе человѣчества отъ экономическаго угнетенія.

„Но, говоритъ Энгельсъ¹⁾, если раздѣленіе на классы имѣетъ извѣстное историческое право на существованіе, то право это ограничено даннымъ періодомъ времени и данными общественными условіями“. Вотъ это и есть то самое основаніе, въ силу котораго социализмъ не можетъ войти въ теорію просто политической партіи. Социализмъ, защищая пролетарія, защищаетъ идею будущаго „внѣклассоваго“ человѣчества. Поэтому социализмъ въ самой своей сущности носитъ ту силу, которая его толкаетъ, требуетъ отъ него формы *міросозерцанія*. Говоря объ „истинныхъ потребностяхъ“ социализмъ исполняетъ свой долгъ по отношенію къ пролетарію, какъ данная конкретная политическая партія. Какъ носитель идеи

¹⁾ «Отъ утопіи къ научной теоріи» стр. 42, изд. Молода. 1905.

будущаго соціалізмъ долженъ надъ этими требованіями поставить „потребности въ истинѣ“, въ всесторонней правдѣ, т. е. возстановить идеаль, долженствованіе въ его поправленныхъ правахъ. Иначе достиженіе внѣклассоваго будущаго должно стать мертвой точкой, такъ какъ единственный двигатель, признанный соціализмомъ — классовыя противорѣчія — исчезнетъ, оставляя свое мѣсто пустымъ и сдѣлавъ такимъ образомъ дальнѣйшій прогрессъ невозможнымъ. Исходъ изъ этого абсурднаго заключенія мыслимъ только черезъ реабилитацію и возстановленіе въ его нарушенныхъ діалектикой правахъ понятія долженствованія, нормъ, свободной руководимой сознательными цѣлями дѣятельности и т. д., иными словами—нужно развитіе соціализма въ цѣльное гармоничное міровоззрѣніе, о которомъ у насъ шла рѣчь вначалѣ, а для этого нуженъ недвусмысленный разрывъ съ діалектическимъ методомъ и съ самодержавнымъ господствомъ натуралистической догмы. Чѣмъ дальше человѣкъ ушелъ по культурѣ, тѣмъ больше онъ прорываетъ рамки натуралистической теоріи, тѣмъ больше онъ руководится въ своей дѣятельности оцѣнкой, выборомъ и цѣнностями. Въ культурномъ обществѣ высшей формы борьба классовъ въ смыслѣ двигателя прогресса отнюдь не является *conditio sine qua non* прогресса¹⁾.

¹⁾ При соціализмѣ конечно останется борьба съ природой, но только въ коллективной формѣ.

Такимъ образомъ, установленіе естественныхъ законовъ для историческаго развитія и утвержденіе необходимаго „діалектическаго“ прогресса представляютъ собою палку о двухъ концахъ. Естественные законы не допускаютъ никакихъ ограниченій въ своей сферѣ. При признаніи ихъ мы уже не можемъ говорить, что до извѣстнаго пункта они были въ силѣ, а затѣмъ наша жизнь избавляется отъ власти этихъ законовъ.

Тому-же діалектическому методу и матеріализму приносится въ жертву и другой существенный атрибутъ личности—свобода воли. Но натурализируя, механизирова въ своей теоріи весь историческій процессъ и попутно и человѣка, современный марксистскій социализмъ ограничиваетъ все это въ сущности сферой досоциалистическаго міра. Съ наступленіемъ послѣдняго предполагается немедленное появленіе на сценѣ задавленной человѣческой воли, исчезаетъ борьба классовъ, и міръ долженъ начать жить дальше высшей формой существованія,—очевидно на иныхъ какихъ-то началахъ, чѣмъ историческая и діалектическая необходимость,—социалисты, конечно, менѣе всѣхъ будутъ склонны выдать будущую жизнь за мертвую точку въ духовномъ, культурномъ развитіи человѣчества. Энгельсъ, напримеръ, говоритъ, что съ наступленіемъ социализма жизнь найдетъ инныя формы и двигателей. „Процессъ подчиненія человѣчества, говоритъ онъ ¹⁾,

¹⁾ „Отъ утопіи къ научной теоріи“ Изд. Молота 1905 стр. 44.

общественной организаціи, который до этого времени былъ какъ-бы навязанъ человѣчеству природой и исторіей, теперь явится проявленіемъ *свободной воли*, (подчеркнуто какъ и дальше нами. Авт.). Объективныя и чуждыя силы, которыя до того времени управляли исторіей, подчинятся контролю человѣка. Лишь съ этого момента люди вполнѣ сознательно начнутъ сами *творить* свою исторію. Совершится переходъ человѣчества изъ царства необходимости“. И мы можемъ только присоединиться къ этимъ словамъ съ точки зрѣнія личности, но мы тѣмъ энергичнѣе будемъ протестовать противъ діалектическаго метода, противъ естественно „необходимаго“ прогресса, противъ отрицанія долженствованія и свободы воли. Центръ тяжести этихъ словъ въ данномъ случаѣ мы перенесемъ въ выводъ, что классовое противорѣчіе какъ-всякое противорѣчіе не единственный рычагъ прогресса, что и свободная воля и мысль могутъ быть его творцомъ,— съ нашей точки зрѣнія онѣ и теперь не устранены отъ этого творчества. Такимъ образомъ мы въ этомъ прогрессѣ не можемъ усматривать движенія, регулируемаго одними только законами природы, не говоря уже о томъ, что естественные законы не мѣняются, что мы не можемъ въ одной и той же сферѣ, относительно одного и того-же объекта статуировать въ абсолютной формѣ для буржуазнаго міра одни естественные законы, а для социалистическаго - другіе. Основной принципъ социализма, цѣнная личность и ея развитіе, долженъ бросить лучи своего

свѣта во всѣ тайники социалистической теоріи, и тогда исчезнутъ дисгармонирующія съ нимъ натуралистическія догмы. Тогда социализмъ будетъ вытекать не изъ „механики“ только, но главнымъ образомъ изъ разума, изъ интересовъ *свободной* цѣнной личности.

VII.

Историческая необходимость и вопросъ о свободѣ воли.

Мы видимъ разрѣшеніе этого вопроса, во первыхъ, въ измѣненіи пониманія характера „исторической необходимости“, этой квинтэссенціи діалектическаго метода, которая должна принять форму логической, разумной необходимости, чтобы очистить такимъ образомъ путь понятію долженствованія. Этимъ, конечно, не должна исключаться необходимость естественнаго порядка. Первая гарантируетъ право на осуществленіе, вторая—самое осуществленіе, а потому и желателенъ синтезъ ихъ, но не подчиненіе одной другой. Естественная необходимость сама по себѣ лежитъ внѣ всякаго смысла, и только разумная необходимость изъ долженствованія можетъ, соединившись съ ней, создать нѣчто осмысленное.

И этотъ оттѣнокъ разумной необходимости невольно проглядываетъ въ нѣкоторыхъ произ-

веденіяхъ соціалистической литературы. „Пре-
вращая все большую и большую часть населенія
въ пролетаріевъ“, говоритъ Энгельсъ ¹⁾, „капита-
листическій способъ производства создаетъ силу,
которая подъ страхомъ гибели принуждена совер-
шить соціальный переворотъ“. Что это такое,
какъ не смутная вѣра въ свободную оцѣнку, вы-
боръ, въ разумъ человѣка. Если бы рѣчь шла
о естественныхъ законахъ въ ихъ настоящемъ
смыслѣ, то о какомъ бы то ни было выборѣ
не могло бы быть и рѣчи, потому что дѣйстви-
тельность не нуждалась бы „въ страхѣ передъ
гибелью“ и дала-бы въ фактическомъ развитіи
то необходимое условіе, которое сдѣлало бы со-
ціальный переворотъ *неизбѣжнымъ*, т. е. не
оставляла бы возможности не совершить этого
переворота, а погибнуть. Здѣсь въ сущности
дѣло обстоитъ такъ: дано А (пролетаризація),
которое необходимо приведетъ либо къ Б. (ги-
бели пролетаріевъ), либо къ В. (къ соціальному
перевороту, уничтоженію возможности эксплуата-
ціи). Но выборъ Б (гибель) исключается *разумной
натурой* человѣка, *потому* въ данномъ случаѣ
изъ А должно слѣдовать В. Это самая прямая
вѣра въ разумную силу человѣка, въ то, что
онъ сѣмъветъ разобраться въ невѣроятно слож-
номъ явленіи соціальной жизни, что онъ не по-
лѣзетъ со слѣпоу бить машины, все встрѣчное и
поперечное, а что онъ взглянетъ въ *корень* вещей.
А для этого нужны разумъ, свободная оцѣнка,

¹⁾ „Отъ утопіи къ научной теоріи“ стр. 41.

воля и т. д., а не только одна мертвая, не одухотворенная историческая необходимость. Пусть историческая необходимость *диалектическаго* характера доведетъ пролетаризацію до возможно крайняго предѣла, такъ что все человѣчество обратилось въ пролетаріевъ и только одинъ капиталистъ остался въ наличности. И тѣмъ не менѣе это не сдѣлаетъ намъ болѣе понятнымъ переходъ къ перевороту, если мы не добавимъ, что люди какъ разумныя существа вѣроятно догадаются о возможности иной соціальной организаціи раньше, чѣмъ наступитъ нарисованная нами картина. Инстинктъ одинъ можетъ избавить отъ голодной смерти Буриданова осла, который попадаетъ между двухъ клочковъ сѣна и голодаетъ, не зная, за который изъ нихъ сначала взяться, но онъ никогда не доведетъ группу этихъ животныхъ до мысли соединиться противъ человѣка и уничтожить его, а тѣмъ менѣе однимъ инстинктомъ можно объяснить колоссальной сложности явленія человѣческой жизни, жизни личности. Да и у человѣка этотъ инстинктъ самосохраненія повышенъ до уровня *сознательнаго* стремленія къ счастью. „Быть счастливымъ это необходимо представляетъ требованіе каждаго *разумнаго*, но конечнаго существа“, говоритъ Кантъ. Такимъ образомъ, у человѣка и инстинкту не долженъ быть чуждъ разумный элементъ.

Вторымъ шагомъ впередъ будетъ вѣрная постановка вопроса о свободѣ воли, разрѣшеніе котораго можетъ принять иную форму при усло-

вія рѣзкаго разграниченія принципа причинности, который на нашъ взглядъ вполне совмѣстимъ со свободой личности,—отъ причинной законосообразности ¹⁾). Мы въ этой работѣ должны ограничиться только коротенькимъ *наброскомъ* и характеристикой *того направленія*, въ которомъ намъ представляется возможнымъ дать утвердительное разрѣшеніе этой проблемы. Это вопросъ первостепенной важности и требуетъ спеціального и обстоятельнаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, если практически свобода воли является необходимымъ постулатомъ личности, который не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, то въ теоретической области челоуѣкъ не успокоится и не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ положительнаго теоретическаго разрѣшенія этого вопроса. Теорія и практика должны слиться въ одномъ гармоничномъ результатѣ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что вопросъ о свободѣ воли въ смыслѣ безпричинности остается въ данномъ случаѣ совершенно въ сторонѣ, такъ какъ въ немъ дѣло идетъ не о свободѣ, а о произволѣ,—свобода всегда предполагаетъ сознательное, а потому и разумное основаніе поступковъ. Въ ней есть всегда элементъ разумной необходимости, какъ это показали Спиноза и Гегель. Поэтому свобода воли предполагаетъ причинную обусловленность, но

¹⁾ См. Риккертъ «Границы естественно-научнаго образованія понятій». Стр. 412—415 нѣмецк. изд.

эта причинная обусловленность, т. е. принципъ, что все должно имѣть свою причину, отождествляется постоянно съ причинной законосообразностью. А между тѣмъ и другимъ есть глубокая разница, которую мы коротко можемъ характеризовать такимъ образомъ: первая изъ нихъ касается только всей конкретной дѣйствительности, вторая имѣетъ силу только относительно обобщенія, абстракціи этой дѣйствительности. Мы подходимъ къ живой непосредственной дѣйствительности съ готовой формой, въ которую неминуемо укладываются всѣ наши переживанія по принципу сочетанія причины съ дѣйствиємъ. Но съ потребностью охватить въ познаніи необозримое богатство дѣйствительнаго міра мы прибѣгаемъ къ обобщенію, выбирая изъ дѣйствительности только то, что въ ней есть общаго между индивидами, группами и т. д. Наблюдая отношенія и обобщая, мы приходимъ къ такъ называемымъ законамъ природы, которые являются сокращенными обозримыми формулами для необозримаго дѣйствительнаго міра. Такимъ образомъ индивидуальное оказывается внѣ сферы ихъ значенія, и только какъ общее въ его отношеніяхъ къ остальному міру оно подчинено этимъ формуламъ. Законъ природы предполагаетъ *повторяемость* причинныхъ цѣлей, но конкретная дѣйствительность не знаетъ повтореній, она абсолютно индивидуальна. Дѣйствительность повторяется, такимъ образомъ, только въ своемъ общемъ, т. е. въ научной абстракціи. Если такая абстракція можетъ удовлетворитъ насъ въ обла-

сти природы, то по отношенію къ человѣку мы наблюдаемъ обратное явленіе: какъ бы мы глубоко ни шли въ этой области, это только повышаетъ нашу потребность проникнуть дальше съ помощью науки, искусства и т. д. въ самую глубь безконечнаго многообразія индивидуальностей. Тутъ мы ищемъ и видимъ только конкретныя цѣнности, вполне подчиненныя принципу причинной связи, но освобожденные отъ фѣрулы законовъ, такъ какъ онѣ цѣнны для насъ въ своей конкретности индивидуальностей. Только какъ абстракція онѣ подчинены этимъ законамъ.

Въ индивидуальной, непосредственной дѣйствительности всегда остается мѣсто для сознательной и до извѣстной степени свободной дѣятельности. Каждый индивидъ стоитъ въ ряду вполне опредѣленной причинной цѣпи, но эта цѣпь тянется не въ одномъ только направленіи. Каждый индивидъ связанъ милліонами нитей съ окружающимъ міромъ. Благодаря множеству такихъ цѣпей причинная связь существуетъ во всѣхъ направленіяхъ, и куда-бы мы ни перешли, мы нигдѣ не нарушаемъ ни этой связи, ни ея законовъ. Все дѣло въ томъ, что всякій законъ носитъ условную форму. Законъ гласитъ: если есть А, то есть Б. Но есть-ли А, этого законъ намъ сказать не можетъ, потому что этимъ была бы нарушена его основная функція. Стремясь къ законамъ; которые опредѣляли-бы не состоянія или дѣйствія, а существованіе ¹⁾ фактовъ, усло-

¹⁾ Сравни. Кантъ «Критика чистаго разума» перев. Лоскаго стр. 166 слова о «необходимости».

вій, мы должны были бы взгромоздить столько законовъ, за сколькими условіями мы гонимся, и, такимъ образомъ, потеряли-бы всякую возможность понять явленіе или справиться съ нимъ. Межъ тѣмъ законы и должны въ первую очередь представлять средство для одолѣнія необозримой дѣйствительности.

Въ рядахъ этихъ причинныхъ зависимостей стоитъ и человѣкъ, который интересуется насъ какъ индивидуальность, личность во всѣхъ своихъ проявленіяхъ настолько, что мы рѣдко обращаемъ вниманіе на его абстрактную, общую ему съ другими индивидами сторону. Онъ соединяетъ въ себѣ цѣлый рядъ причинностей въ одно неразрывное цѣлое, въ немъ какъ въ центрѣ сошелся цѣлый пучекъ, разнообразныхъ причинныхъ цѣпей, который и дѣйствуетъ какъ единое неразложимое цѣлое. Въ результатѣ получается поступокъ, который долженъ быть приписанъ не отдѣльной причинѣ, а тому цѣлому, личности, которая сконцентрировала въ себѣ эти цѣпи въ индивидуальномъ тѣлесномъ и духовномъ сочетаніи. Отъ нея и къ ней тянутся мириады причинныхъ нитей, и личность сама оцѣниваетъ и рѣшаетъ, которую изъ безчисленныхъ индивидуальныхъ кнопокъ фактическаго, даннаго міра нажать ей. Законъ всемогущъ тогда, когда насъ интересуется абстрактная сторона дѣйствительнаго міра, и когда дано его условіе. Но само это условіе стоитъ внѣ всякой зависимости отъ него. Тутъ открывается для разумнаго существа возможность сознательной дѣятельности

благодаря его способности сужденія и оцѣнки. Передъ оцѣнивающимъ сознаниемъ только ограниченный, часто крайне сѣуженный матеріаль, но неограниченная способность оцѣнки, результатомъ которой является болѣе интенсивное сцѣпленіе съ опредѣленною причинною связью, которая уже благодаря одному этому усиливается и можетъ взять перевѣсъ надъ другими причинными связями. Такимъ образомъ, которое изъ возможныхъ условій возьметъ перевѣсъ, это— въ интересующихъ личность случаяхъ—должна и можетъ рѣшать она сама,—и тѣмъ болѣе, чѣмъ культурнѣе становится человѣчество и создаваемыя имъ условія.

Свобода воли пока ничтожна, но это потому, что такова наша дѣйствительная, не показная: культура. Она теперь незначительна, но она возможна, и намъ именно, и дорого установить самую возможность ея въ принципѣ. Она задавлена въ жизни „индивидуалистическимъ хозяйствомъ“, въ социалистической теоріи — „необходимымъ прогрессомъ“, діалектическимъ методомъ и материалистической метафизикой. Но она возможна если не при естественныхъ, то при культурныхъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи переходъ къ социализму какъ къ высшей культурной формѣ и долженъ представлять для цѣнной личности крупный шагъ впередъ къ царству свободы. Но,—повторяемъ еще разъ,—материализмъ и діалектической методъ съ ихъ оковами личности въ видѣ естественно „необходимого“ прогресса должны отойти въ прошлое, потому что это цѣни, добровольно наложенныя на себя социализмомъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ искать законовъ соціальной жизни, мы можемъ разсматривать прошлое человѣчества съ точки зрѣнія законосообразности, — пусть будетъ даже, что мы найдемъ незыблемые законы, но они опредѣляютъ только общее, абстракцію, а въ жизни мы имѣемъ дѣло только съ индивидуальнымъ, конкретнымъ. Это индивидуальное находится въ всесторонней причинной связи, которая нигдѣ не можетъ быть нарушена, но естественные законы этихъ индивидуальныхъ явленій связывать не могутъ. Такимъ образомъ, социализмъ приобретаетъ двойной принципъ: какъ политическая *партія* онъ имѣетъ въ виду *общее*, можетъ искать законовъ и основываться на *законосообразности*; какъ *міровоззрѣніе*, которое, какъ мы пытались показать въ началѣ этой работы, должно имѣть въ виду культурныя, индивидуальныя цѣнности, личность, — онъ долженъ взять своей основой *идею культурно-творческой цѣнной индивидуальной личности*, признать въ принципѣ ея необходимыя условія и въ конечномъ счетѣ встать на почву идеализма, — конечно не метафизическаго въ традиціонномъ смыслѣ, а на почву критическаго, гносеологическаго идеализма, который при идеалистической этикѣ и теоріи познанія даетъ полный просторъ и твердое обоснованіе эмпирическому реализму ¹⁾.

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ въ общемъ видѣ воззрѣнія Генриха Риккерта. См. его „Границы естественно-научнаго образованія понятій“ переводъ Водена и „Предметъ познанія“ переводъ Г. Шпетта,

VIII.

Идея цѣнной личности и идеалы.

Цѣнная культурно-творческая личность самымъ живымъ образомъ заинтересована въ томъ, чтобы культурное развитіе человѣчества не заковывалось въ цѣпи. Поэтому конечною цѣлью въ міровоззрѣніи, которое способно охватить интересы цѣнной личности, можетъ быть только идеаль, норма. Тѣ практическія цѣли, которыя мы выставляемъ какъ нѣчто конкретное, должны имѣть своего рода служебное значеніе, значеніе мѣръ, и достиженіе высшей изъ нихъ можетъ быть только началомъ еще болѣе интенсивной дѣятельности, посвященной великому культурному творчеству. Тутъ въ этомъ творествѣ, какъ въ движеніи, согласованномъ съ нормой, идеаломъ, лежитъ истинное удовлетвореніе, которое можетъ найти человѣкъ, удовлетвореніе глубокое, непреходящее, все повышающееся. Достижимое какъ окончательная цѣль обозначало-бы для цѣнной личности застой, отсутствіе цѣнной дѣятельности и потому гибель. Лучшее, что можетъ сдѣлать въ данномъ случаѣ культурный человѣкъ, это посвятить всѣ свои силы, какъ это ни траги-комично, возможному задерживанію прогресса. Поэтому конечная цѣль мыслима только какъ идеаль норма. 1) „Всякій лишенный разума индивидъ до-

1) Срвп. Зиммель „Проблемы философіи исторіи“ нѣм. 2-е изд. стр. 145.

стигаетъ своей цѣли; только сынъ разума остается всегда только *на пути*. Все его существованіе это непрерывное никогда не заканчивающееся развитіе“ ¹⁾). Поэтому и социализмъ, прорвавши узкія рамки партійной ограниченности и вступивъ на путь развитія къ цѣльному, гармоничному міросозерцанію, долженъ будетъ пойти по пути критическаго идеализма.

Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что мы не осуждаемъ вмѣстѣ съ діалектическимъ методомъ на изгнаніе и тѣхъ принциповъ, которые связалъ съ нимъ Гегель и передалъ ихъ въ такой формѣ послѣдующему времени. Въ этихъ принципахъ необходимо видѣть крупное цѣнное завоеваніе человѣческой мысли. Основные изъ этихъ принциповъ — абсолютная неповторяемость, индивидуальность фактическаго, дѣйствительнаго міра, признаніе дѣйствительности за цѣнность — совокупность, которая состоитъ только изъ индивидуальныхъ цѣнностей и порождаетъ и обогащается только индивидуальностями, — мы, конечно, оправдываемъ возможность этой дѣйствительности-цѣнности основнымъ принципомъ: — абсолютною цѣнностью культурно-творческой личности и ея интересами и дѣятельностью. И, наконецъ, мы постулируемъ на томъ-же основаніи безконечность творчества и развитія цѣнностей, которыя составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое — цѣнную дѣйствительность. И только такая дѣйстви-

¹⁾ Изъ предисловія къ нѣмецкому переводу Маймона Бэконовскаго *Novum Organon* 1793 стр. VI.

тельность можетъ дать личности удовлетвореніе въ настоящемъ, а подѣ часъ и примиреніе съ нимъ и желаніе будущаго.

Такимъ путемъ, развитіемъ своихъ основныхъ принциповъ въ цѣльное міровоззрѣніе, въ центрѣ котораго будетъ стоять въ качествѣ пробнаго камня идея культурно-творческой, индивидуальной, цѣнной личности,—соціализмъ завоюетъ себѣ теоретическое право апеллировать къ лучшему, что есть въ человѣкѣ, указывать ему на великое будущее, выставлять идеалы, которые какъ далекія звѣзды своимъ яркимъ мерцаніемъ будутъ озарять тернистый путь личности и породятъ въ ней новыя силы и неугасающую вѣру въ себя и свои идеалы. Это будетъ великимъ приобрѣтеніемъ для соціализма. Тогда онъ не будетъ рисковать тѣмъ, что онъ оставитъ въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческихъ потребностей пустыя мѣста. Тогда исчезнетъ то недоразумѣніе, которое мы наблюдаемъ теперь между соціалистами и ихъ противниками: послѣдніе, вѣрно угадывая слабую сторону теоретическаго построенія соціализма, умѣло пользуются ею и требуютъ энергично отъ него положительныхъ идеаловъ во всѣхъ областяхъ, справедливо полагая, что истинно-человѣческихъ потребностей не утишишь одною историческою необходимостью, въ то время какъ соціализмъ своими традиціонными основами отрѣзалъ себѣ теоретическій путь къ идеаламъ. Этотъ путь онъ откроетъ себѣ, развивши послѣдовательно въ цѣльное, гармоничное міровоззрѣніе свою основную предпосылку. Тогда онъ съ

полнымъ правомъ станетъ апеллировать къ божественному въ человѣкѣ.

Пренебреженіе идеалистическими мотивами, діалектика съ ея всесокрушающей механизацией всего, что поддается ей и что нѣтъ, безъ разбору, привела къ роковымъ результатамъ. Тамъ, гдѣ діалектика не смогла одолѣть внутреннихъ здоровыхъ тенденцій социализма и разрушить связь между настоящимъ и будущимъ, гдѣ социализмъ прорвался въ теоріи къ будущему, тамъ получались часто роковые результаты. Мы не станемъ касаться всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Мы бросимъ только бѣглый взглядъ какъ на *образчикъ* на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ жизни личности, разрѣшеніе котораго, на нашъ взглядъ, пошло по глубоко ложному пути. Вопросъ этотъ касается отношенія половъ, уже—свободной любви.

IX.

Свободная любовь и свободная нравственность.

Женскій вопросъ даетъ любопытный образчикъ такихъ выводовъ, которые вынуждены у социализма его традиционными основами и которые далеко не гармонируютъ, не могутъ гармонировать съ его истинной сущностью. Оставляя въ сторонѣ выполнимость или невыполнимость социалистическихъ стремленій, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ отрицать одного, что по своему существу это такъ пугаю-

щее современный буржуазный миръ революціонное теченіе представляетъ изъ себя страстное, глубоко проникновенное стремленіе къ всесторонней гармоніи жизни, къ развитію полного аккорда человѣческой личности и ея культурно-творческихъ проявленій. Даже такая суровая, безпощадно жестокая область какъ борьба за существованіе, за насущный кусокъ хлѣба должна принять характеръ гармоничной строго согласованной совокупности человѣческихъ дѣятельностей, направленныхъ на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей. Экономическая гармонія—такова, какъ это ни странно звучить, цѣль социализма въ этой области. Всесторонняя гармонія—вотъ та общая цѣль, на которую какъ на конечный этапъ направлены всѣ стремленія этого кристально чистаго по своимъ истиннымъ мотивамъ теченія.

И вдругъ самое цѣнное въ этомъ идеалѣ гармоніи должно быть разодрано на части, должно поражать насъ такимъ безобразіемъ, такой какофоніей, отъ которой культурная личность даже при современныхъ буржуазныхъ условіяхъ и морали не можетъ не бѣжать, не отвертываться съ отвращеніемъ въ сторону. Такое невозможное представленіе было высказано нѣкоторыми защитниками социализма относительно будущей человѣческой личности въ вопросѣ о свободной любви ¹⁾. По этому представленію интимная жизнь личности не должна быть связана съ однимъ только объектомъ любви другого пола. Въ этихъ построеніяхъ не исключалась возможность и допустимость того, что чело-

¹⁾ См. напр. „Чего ждать женщинѣ отъ социализма“, Исаева.

вѣкъ будущаго будетъ удовлетворять свои интимныя потребности съ различными субъектами: одинъ его привлекаетъ своимъ тѣломъ, другой—умомъ, третій своими этическими и др. сторонами и въ заключеніи получается представленіе о разодранномъ на части человѣкѣ, который по существу дѣла *долженъ*, что-бы тамъ ни говорили факты, быть единой, цѣльной личностью.

Не трудно подмѣтить, что подобнаго рода унижительныя представленія явились прямымъ плодомъ туманныхъ, а порою и загрязненныхъ непродуманными теоріями представленій о личности будущаго. Чѣмъ цѣльнѣе, гармоничнѣе личность, тѣмъ лучше, красивѣе ея проявленія, ея жизнь. Эта жизнь должна быть во всемъ цѣльна и гармонична и не можетъ допускать и тѣни мысли о томъ убійственномъ анатомированіи личности, которое приходится видѣть въ только что приведенныхъ нами мнѣніяхъ защитниковъ свободной любви. Такое представленіе является плодомъ раздиранія на части физической, духовной и душевной жизни личности и ея самой. Человѣкъ, удовлетворяющій свои потребности съ одной, свое эстетическое чувство съ другой, свои духовныя потребности съ третьей, человѣкъ, который все это мѣняетъ по степени своихъ измѣнчивыхъ настроеній, глубоко противорѣчитъ тому идеалу, къ которому можетъ и долженъ стремиться социализмъ. Иначе это означало бы возвращеніе къ животному царству; это уже не свободная любовь, которая *требуетъ свободной нравственности*, свободной же, т. е. цѣль-

ной гармоничной,—не только политически, но и *нравственно освобожденной, очищенной* личности, а проституированіе человѣческаго достоинства, это былъ бы незаконный, болѣе того,—дикій, непостижимый плодъ социализма. Въ глубоко трогательное, человѣчное стремленіе социализма къ всеобщей гармоніи протискивается такимъ путемъ подъ всякаго рода красивыми именами ужасный продуктъ той самой гнилой (саниновской) морали, которая является прямымъ дитятей современнаго уклада жизни. Не раздираніе на части, а цѣльная жизнь гармоничной личности, которая можетъ найти удовлетвореніе только въ гармоніи,—таковъ тотъ идеаль, который вытекаетъ изъ основной предпосылки социализма. Социализмъ и тутъ, заложивъ здоровую основу, сдѣлалъ изъ нея болѣзненные выводы. Переходя теоретически изъ полной мрази буржуазной области въ идеальную сферу социалистическихъ стремленій, онъ какъ будто забываетъ перенести черезъ порогъ свою голову и предоставляетъ захлопывающейся двери перешибить ему шею. Все должно усовершенствоваться: политика, экономика, весь объективный укладъ человѣческой жизни. Ну а человѣкъ?—Человѣкъ какъ будто долженъ остаться и въ этой идеальной обстановкѣ все тѣмъ же двуногимъ звѣремъ, лишеннымъ всего того, что такъ дорого для „человѣка“: гармоніи и красоты.

Такимъ образомъ, не въ *произволѣ* испорченной природы, а въ *свободныхъ, цѣльныхъ, гармоничныхъ*, не поворачивающихся по первому дуно-

венію вѣтерка какъ флюгеръ проявленіяхъ жизни новаго дѣйствительно культурнаго человѣка надо видѣть свободную любовь. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было нужна норма, нуженъ идеаль и нужна глубокая осторожность въ отрицаніи и къ оскорбленному буржуазною гнилью чувству: оно можетъ завести насъ далеко отъ той области, къ которой долженъ стремиться социализмъ. Альтернатива въ данномъ случаѣ вполне ясна: либо социализмъ создаетъ и содасть лучшія, болѣе культурныя формы общественной и социальной жизни, и тогда неизбежно долженъ возникнуть—во всякомъ случаѣ въ идеаль—новый высшій типъ человѣка, который внесетъ въ свое влеченіе къ субъекту другого пола *цѣльность*, полноту всѣхъ элементовъ своего я, и результатомъ ихъ явится глубина чувства, устойчивость и постоянство,—либо такой полной цѣнной личности не будетъ, тогда не можетъ быть и социального будущаго, о которомъ мечтаетъ социализмъ. Если мы не будемъ видѣть въ такой цѣльной въ своихъ проявленіяхъ личности чего-то глубоко желаннаго, тогда мы разумно не можемъ желать и социализма, потому что одно невысказано безъ другого. Менѣе всего противъ этого вывода можно возразить съ точки зрѣнія тѣхъ, кто видитъ въ экономическихъ факторахъ основу, дѣйствительныхъ двигателей, устроителей всей сложной жизни человѣчества, не исключая и самой психики людей: гармоничный экономическій строй въ социализмѣ не можетъ не дать гармоничной цѣль-

ной личности; а если онъ ея не дастъ, то онъ и не представляетъ того, что въ немъ видятъ и чего ищутъ всѣ его послѣдователи.

Этимъ, конечно, мы менѣе всего хотимъ сказать, что нужно стѣснить свободу личности. Наоборотъ юридически она можетъ и должна быть предоставлена въ самой широкой степени. Общество можетъ свести свое вмѣшательство въ эту область до крайняго возможнаго минимума, ограничившись хотя-бы необходимой защитой интересовъ дѣтей и общественнаго здоровья. Но какъ *идеаль*, *норму* мы должны разсматривать форму гармоничныхъ и цѣльныхъ отношеній половъ, гдѣ въ любви будутъ гармонично сливаться всѣ мотивы разнородныхъ стремленій человѣческой природы: *духа* и *тѣла*. Содержаніе этихъ любовныхъ отношеній должно быть чѣмъ выше, тѣмъ полнѣе, тѣмъ болѣе равноправное положеніе должны занять въ немъ на ряду съ половой привязанностью эстетическое, этическое и т. д. стремленія. Не подходятъ люди другъ къ другу, пусть они расходятся и не мѣшаютъ другъ другу жить на бѣломъ свѣтѣ. И въ этомъ отношеніи борьба за свободу личности должна вестись на всѣхъ фронтахъ противъ той формы сожителства, которую такъ ярко характеризовалъ Ницше „O, diese Armut der Seele zu Zweien! O, dieser Schmutz der Seele zu Zweien!“ ¹⁾. Но это только неизбежное зло и выходъ изъ него надо рассматри-

¹⁾ „O, эта бѣдность души вдвоемъ! O, эта грязь души вдвоемъ!“

вать какъ выборъ изъ двухъ золъ меньшаго. Но это не атрибутировать и тѣмъ менѣе желанный атрибутировать социалистическаго будущаго. Это только печальная необходимость, — социализмъ какъ хозяйственный строй тоже не можетъ думать, что онъ дастъ абсолютно идеальный строй и, слѣдовательно, абсолютно идеальныхъ людей, что дало бы право намъ ожидать, что въ социалистическомъ строѣ такія ошибки абсолютно невозможны. Это — зло, въ которомъ въ значительной степени виноваты и современный варварскій кодексъ буржуазной морали, и вытекающіе отсюда законы относительно сожителства двухъ половъ. Это проклятіе, которое посылаетъ отживающей строй нарождающемуся будущему; это наслѣдство, которое отдаетъ мертвечиной, и социализмъ долженъ остаться чистымъ, незапятнаннымъ этой мразью. Не защита произвола похоти и разодранныхъ на части элементовъ недѣлимой цѣнной личности должна составить задачу социализма, а энергичная проповѣдь чистой, гармоничной, а потому тѣмъ болѣе свободной любви. *Свободная любовь, но и свободная нравственность* — таковъ лозунгъ будущаго въ этой области. И онъ есть прямой выводъ изъ основной предпосылки социализма — цѣнной личности.

Мы не можемъ не коснуться въ этой связи близкаго къ данному вопросу о дѣторожденіи, такъ какъ и тутъ мы не совсѣмъ примыкаемъ къ обычнымъ мнѣніямъ на этотъ счетъ. И этотъ вопросъ искалѣченъ и изуродованъ хищническимъ строемъ съ его матеріальной неустойчи-

востью, полнымъ отсутствіемъ надеждъ на воспитаніе и образованіе и т. д. Изъ этихъ условій выросло одно изъ самыхъ крупныхъ несчастій современной истинной жизни личности, что она большею частью принуждена давать жизнь *нежеланнымъ* дѣтямъ. Человѣкъ имѣетъ полное право и тутъ не быть рабомъ естества, природы; его неотъемлемое право имѣть только *желанныхъ* дѣтей поддерживается, болѣе того диктуется интересами какъ родителей, такъ и самого нарождающагося поколѣнія, а также и интересами человечества: мы только тамъ можемъ ожидать дѣйствительнаго роста личности, гдѣ вложено желаніе, любовь выростить такую; тѣмъ менѣе возможно это, если уже въ утробѣ матери ребенокъ становится предметомъ тревоги, вражды и др. родственныхъ чувствъ... Но все это не должно вести насъ къ другой крайности, — нежеланія „множиться“. Насъ этотъ вопросъ здѣсь интересуетъ только все *съ той-же* точки зрѣнія цѣнной личности и ея культурнаго творчества.

Творчество, какъ это ни парадоксально звучитъ, должно быть распространено, хотя и въ бессознательной формѣ проявленія, и на эту область человѣческой жизни. Мы уже въ сущности давно отказались и въ теоріи и практикѣ отъ презрѣнія къ плоти и тѣлесному и удѣлили ему соответствующее мѣсто въ общей сокровищницѣ цѣнностей. Поэтому и въ эту область физическаго народненія самыхъ дорогихъ цѣнностей, будущихъ личностей и ихъ возможностей должно заглянуть то же солнце творчества, которое

озаряетъ своими лучами другія области жизни личности. И это въ бессознательной формѣ проявляется сплошь и рядомъ въ обыденной жизни въ формѣ родительской гордости своими дѣтьми, когда они отличаются духовными или физическими качествами, а тѣмъ болѣе, если въ нихъ соединилось и то, и другое.

Пусть даже люди не видятъ здѣсь никакого творчества, это не аргументъ. Съ объективной точки зрѣнія это великое творчество. Дѣло человѣка только внести въ него глубокое облагороженное пониманіе, смыслъ и красоту. Тогда оно станетъ великой правдой. Современный, разодранный на части въ своихъ стремленіяхъ человѣкъ загрязнилъ то, что могло быть кристально чистымъ. Но, вѣдь, эта грязь—дѣло человѣка и его-же дѣло смыть съ себя эту грязь и очиститься.

Въ этомъ отношеніи интересно, что, напри- мѣръ, г. Бердяевъ, горячо защищавшій личность и ея развитіе ¹⁾, вдругъ въ главѣ „метафизика пола и любви“ отхватилъ какъ ножницами чело- вѣческое стремленіе имѣть дѣтей, какъ родовое половое начало, какъ „вульгарную Афродиту“, которая дробитъ индивидуальности въ ущербъ развитію цѣльности и совершенства родителей; потому что она даетъ несовершенное множество вмѣсто совершенной немногочисленности.

Какъ мы уже говорили,—плодотворнымъ фак-

¹⁾ Въ книгѣ „Новое религиозное сознаніе и общественность“.

торомъ явится убѣжденіе, что факты сами по себѣ бессмысленны и грубы, и только человѣкъ своей мыслью, вкладываемой въ эти факты, подымаетъ ихъ до уровня одухотворенности и смысла. Въ этомъ отношеніи мы еще разъ можемъ пожелать, чтобы у насъ было побольше довѣрія къ разуму, къ мысли, и поменьше подчиненія грубой фактической дѣйствительности,—таковъ тотъ вспомогательный принципъ, который можетъ дѣятельно помочь человѣку придти къ всесторонней правдѣ. Такимъ образомъ, и въ данномъ, частномъ случаѣ фактъ самъ по себѣ не „вульгаренъ“, и не идеаленъ, а индифферентенъ и только мы сами дѣлаемъ изъ него то, что Бердяевъ называетъ „Вульгарной Афродитой“. Не говоря уже о томъ, что это дробленіе отзывается на родителяхъ благодаря нашему отвратительному хищническому строю съ его анархической борьбой за существованіе и деспотическимъ, стаднымъ кодексомъ морали, дѣти и жизнь съ ними при нормальныхъ *человѣческихъ* условіяхъ раскрываютъ новый источникъ, изъ котораго могутъ каскадомъ бить высоко—цѣнные переживанія. Отсюда можетъ при нормальныхъ условіяхъ развернуться богатая жизнь облагороженнаго нравственнаго чувства, сознаніе мірового единства и его непрерываемости, истинно человѣческой общности. Тутъ лежитъ основа отрицанія разрыва между прошедшимъ и будущимъ. Когда личность не анатомирована, не разодрана на части по своимъ стремленіямъ, которыя разбросаны по разнымъ, объектамъ, обезсилены и обезцвѣчены

своимъ разрывомъ, какъ это мы видимъ въ современномъ общественномъ строѣ,—однимъ словомъ, когда личность могуче сильна полной гармоніей своихъ стремленій, направленныхъ на одинъ объектъ любви, тогда въ нормальныхъ объективныхъ условіяхъ можетъ быть мѣсто только прекрасной, не „вульгарной Афродитѣ“. Тутъ залогъ безконечнаго роста культурнаго сознанія, культурнаго творчества, безконечнаго обогащенія человѣчества творческими возможностями. И какъ мы говорили, въ самомъ физическомъ творествѣ заложена возможность индивидуальныхъ физическихъ цѣнностей. Такимъ образомъ отрицаніемъ человѣческаго желанія имѣть дѣтей,—но дѣтей желанныхъ,—быль-бы нанесенъ цѣнной личности крушый ущербъ въ ея интимной, а черезъ нее и во внѣшней жизни.

X.

Идеаль эмансипаціи съ точки зрѣнія цѣнной личности.

Наконецъ, и самый вопросъ о женской эмансипаціи долженъ съ точки зрѣнія цѣнной личности принять иную форму. Воплиъ понятно, что женщина требуетъ и должна требовать для себя и своего развитія тѣхъ-же свободныхъ объективныхъ условій, какими пользуется и отвоевываетъ себѣ другой полъ. Но было бы грубой ошибкой,—и эта ошибка, къ сожалѣнію, стала широкой дѣйствительностью,—видѣть иде-

аль освобожденія женщины въ томъ, чтобы она могла безпрепятственно идти по тѣмъ же протореннымъ тропамъ и направленіямъ, по которымъ идетъ мужчина ¹⁾. Фактически, можетъ быть, это и будетъ такъ въ большинствѣ случаевъ, но идеаломъ, цѣнною цѣлью должно и можетъ быть только, чтобы женщина на основѣ равныхъ объективныхъ условій искала и создавала себѣ свои собственные, субъективные, ей только одной и какъ женщинѣ, и какъ индивидуальной личности доступные пути творчества и вообще дѣятельности. Потому что культура не повтореніе задовъ,—это дѣло школы, выучки. Культура обогащается индивидуальностями и цѣнная дѣятельность основывается на индивидуальныхъ проявленіяхъ личности. Такимъ образомъ, общимъ для обоихъ половъ идеаломъ будетъ императивъ той формы, въ которую онъ выливается въ теоретико-познавательномъ идеализмѣ ²⁾. „Ты долженъ, если ты хочешь поступать хорошо, посредствомъ твоей индивидуальности на томъ индивидуальномъ мѣстѣ, гдѣ ты находишься, исполнять то, что можешь исполнить только ты, такъ какъ ни у кого другого въ повсюду индивидуальномъ мірѣ нѣтъ точно той-же задачи какъ у тебя, и ты долженъ далѣе устроить всю твою жизнь такъ, чтобы она замкнулась въ телеологическое развитіе, которое въ его цѣломъ можно было-бы разсматривать

¹⁾ Эта мысль принадлежит Зиммелю.

²⁾ Г. Риккертъ «Границы естественно-научнаго образования понятій» нѣм. изд. стр. 716.

какъ исполненіе никогда не повторяющейся задачи твоей жизни“. Такимъ образомъ и женщина на пути къ своему освобожденію должна искать и стремиться только къ индивидуальному цѣнному, ей только одной доступному. Тогда и она сможетъ найти прямой путь къ непосредственному приобщенію къ истинной культурѣ. Для этого нужно сознание себя какъ цѣнной личности, какъ бы эта индивидуальность мала ни была.

XI.

Истинная дѣйствительность.

Только развившись въ цѣльное міровоззрѣніе на основѣ признанія принципа абсолютной цѣнности личности, социализмъ,—не социализмъ какъ теорія одного класса, а социализмъ какъ общечеловѣческое, культурно-міровое міросозерцаніе, — сможетъ удовлетворить всѣ запросы личности: этические, эстетические, религіозные и т. д.,—не игнорированіемъ ихъ, а путемъ всесторонняго творчества и проникновенія. Тогда „братство“ цѣнныхъ личностей въ культурно-творческой дѣятельности и въ ея цѣнныхъ продуктахъ, которое явится въ результатѣ „равенства“ въ условіяхъ и „свободы“ въ проявленіяхъ, создастъ изъ человѣчества многостороннюю цѣнность и поведетъ его не къ разброду индивидуальностей, а къ все болѣе гармонизирующемуся цѣлому — цѣнности, каждое звено котораго

будетъ признано въ его своеобразіи и будетъ незамѣнимой цѣнностью — личностью. Въ результатѣ этого развитія должна получиться та дѣйствительность, о которой мечталъ Гегель, но которую погубило его собственное дѣтище — діалектика: дѣйствительность какъ постоянно творящееся и обогащающееся индивидуальными цѣнностями гармоничное сліяніе міра фактовъ съ міромъ идеала и въ центрѣ этой дѣйствительности — цѣнности долженъ стоять главный творецъ ея — индивидуальная культурно-творческая личность.